

Александр
ТАРАСОВ

МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ КЛАССОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Классовый подход к образованию: знания — только богатым

Реорганизация — это превращение одной организации в другую, достигающее такой степени дезорганизации, при которой становится очевидным преимущество первой организации перед второй и необходимость новой реорганизации.

Зиновий Паперный

Меня всегда поражала недобросовестность лиц с гуманитарными степенями, их готовность научно обосновать превращение белого в черное и наоборот, вплоть до бесцветного, если им кажется, что начальство того же-лает.

Револют Пименов

Ни для кого не секрет, что с 1991 года на территории бывшего СССР (следовательно, и в России) проводится грандиозный, невиданный в истории социальный эксперимент. Эксперимент этот носит характер *классовой*: уголовный мир и бывшая советская номенклатура лихорадочно строят периферийный капитализм, превращая себя в типичную *капиталистическую элиту* страны «третьего мира», а все остальное население отбрасывая на грань выживания (или даже за грань его). Экономические, научные и социальные достижения СССР для этого периферийного капитализма *избыточны*, не нужны и — с точки зрения мирового рынка и мирового разделения труда — даже *вредны*. Причем *избыточными*, не нужными с точки зрения ТНК и международного финансового капитала становятся для России как страны «третьего мира» не только большая часть промышленности, бульшая часть научного потенциала, но и большая часть населения. Теоретики «sustainable development» высказались на этот счет достаточно откровенно: периферийная капиталистическая Россия сможет самостоятельно прокормить только 50—70 миллионов человек, остальные должны *вымереть*. И желательно к 2015 году. Разумеется, пока с такими расчетами выступали, скажем, представители «Римского клуба», это никого ни к чему не обязывало. Но когда с заявлением о том, что в России должно проживать не более 50 миллионов человек, выступает премьер-министр Великобритании¹, — это уже серьезно.

Поразительно, но новая российская элита, элита страны, имеющей 150-миллиардный внешний долг и прямо зависящей от благосклонности западных банков, постоянно говорит о грядущем «возрождении России» и ее «процветании». «Возрождение» это произойдет, разумеется, под ее, элиты, чутким руководством и руками нынешней российской молодежи. Политики дружно заигрывают с молодежью, хвалят ее и развлекают (акция «Да!» у «Отечества», акция «Ты прав!» у «Правого дела» и т. д.).

Новая элита России нагло врет. Те, кто устраивает в погоне за глосами молодых концерты пошлых рок-певцов, прекрасно понимают, что малограмотные малолетние недоумки, млеющие от Алёны Апиной и «На-на», никакую Россию никогда не возродят. Для возрождения стра-

ТАРАСОВ Александр Николаевич — ведущий эксперт Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс», эксперт Информационно-экспертной группы «Панорама».

ны нужна здоровая (физически и нравственно), прекрасно образованная, высококультурная и высокоинтеллектуальная молодежь — и не единицы, не десятки и не сотни, а целое поколение или даже несколько поколений.

Между тем, система образования (та самая стройная система образования, которая была в конце концов создана в СССР — единая, всеобщая и бесплатная) в сегодняшней России разрушена. Причем разрушена на всех ступенях — начиная со школы и кончая вузом, о чем известно всем, кто преподает достаточно долго, чтобы иметь возможность сравнивать. Но у представителей власти точка зрения другая, оригинальная. Например, г-н Кинелёв, бывший наш министр образования, не краснея, утверждал, что, наоборот, с образованием всё хорошо и с каждым годом становится лучше и лучше². Г-н Кинелёв, умалчивая о том, что затраты на высшее образование сократились в России более чем в 6 раз, гордо рассказывал, что число преподавателей увеличилось в вузах на 14 тысяч, в том числе докторов наук стало на 6 тысяч больше, а профессоров и доцентов — на 9 тысяч. Это — количественные характеристики, а качественные? Ведь ни для кого не секрет, как снизились в последнее время требования к диссертантам! Любой из читающих эти строки без труда назовет до полудюжины заведомых дураков, ставших в последние годы кандидатами, а то и докторами наук (как поют сегодня студенты МГУ: «У нас доцент бывает лишь тупой, у нас завкафедрой может стать любой!»). В России за 10 лет возникло целых 120 академий (академиков-то, академиков сколько!), 20—25 тысяч человек ежегодно становятся кандидатами и докторами наук, причем даже по TV показывают репортажи о том, что в Министерстве образования всего за 1000—1200 долларов можно *купить* диплом кандидата каких угодно наук (а заодно и звание доцента) — и, что примечательно, никаких юридических последствий для чиновников-мошеников показ этих репортажей не влечет! В газетах (например, в «Московском комсомольце» или «Из рук в руки») каждый может прочесть объявления такого типа: «Кандидатские и докторские диссертации для занятых. Недорого. Быстро». Дело дошло до того, что работодатели повсеместно отказываются признавать дипломы о высшем образовании и научных степенях (не веря в их подлинность) и требуют обязательных рекомендаций с предыдущих мест работы.

Можно, конечно, сказать: чего вы требуете от г-на Кинелёва? — это же случай, в некотором смысле, *патологический*: ведь это тот самый Кинелёв, который убил насмерть журналистов, когда на первой же пресс-конференции после своего назначения на должность на вопрос: «А бывали ли вы когда-нибудь в сельской школе?» гордо ответил: «Конечно, бывал. Вот недавно я ездил в Нидерланды, и там мы заезжали в одну сельскую школу»³...

Но вот ведь и бывший вице-премьер Олег Сысуев, отвечавший до недавнего времени у нас за образование и высшую школу, отличился фразой не менее замечательной: «Образование... может подтолкнуть Россию к окончательному развалу»⁴.

Очевидно, чтобы избежать такой катастрофы, под чутким руководством О. Сысуева и по заказу Б. Немцова была разработана «концепция реформы образования». Среди разработчиков этой концепции были зам. министра образования Александр Асмолов, зам. Сысуева Михаил Дмитриев и, наконец, Александр Тихонов, тогда — зам. министра образования, а затем — полномочный министр. Понятно, что А. Тихонов пытался сделать все возможное, чтобы навязать стране свое детище.

«Концепция» была опубликована в «Учительской газете»⁵. Пространственный документ, написанный суконным канцелярским языком, если вникнуть в суть, сводился к следующим пунктам:

1) надо сократить число вузов, студентов и преподавателей — чем их меньше, тем меньше средств на них уйдет из государственного бюджета. Число студентов, обучающихся за счет государства, планировалось сократить для начала на 15 процентов, число преподавателей — еще больше (поскольку коэффициент 1:8 предписано было сменить на 1:12). Заодно предполагалось сократить число вузов за счет слияния «однопрофильных» или тех, что будут объявлены «близкими по профилю». (Кое-где на местах быстро выяснили, как это будет выглядеть на практике — в Воронеже, например, из 11 вузов останется 3, а то и 2⁶);

2) отменить стипендии — за исключением стипендий самым бедным: сиротам или студентам из семей с доходами ниже прожиточного минимума. Таким образом, предлагалось *репрессировать умных и успевающих* студентов (интересная мысль!) и заодно нанести удар по университетской науке: те студенты, которые могут и хотят заниматься наукой (и успешно ей занимаются), окажутся без стипендий (если только они не сироты) и, следовательно, будут вынуждены где-то на стороне зарабатывать. Это значит: *никаких молодых ученых* в следующем тысячелетии в России *уже не будет*. Кстати, студентов из малообеспеченных семей и студентов-сирот после введения в жизнь «концепции Асмолова — Тихонова» в вузах просто не должно было остаться: какой же дурак будет тратить на них деньги, если таких студентов можно *отсеять на стадии вступительных экзаменов* и вместо них взять других — поглупее, но побогаче, которым не надо платить стипендию!

3) отменить все «социальные выплаты» — доплаты на питание студентов, на детские пособия студентам, имеющим детей, льготы на проезд в общественном транспорте, льготы на оплату проживания в общежитии (плату за проживание в общежитии планировалось подтянуть до «экономически оправданной» — то есть до стоимости проживания в сравнимых по типу гостиницах);

4) обязать все вузы сдавать в аренду коммерческим структурам площади в среднем в 10 тысяч квадратных метров по 100 долларов за квадратный метр в год (по расчетам Асмолова — Тихонова, это должно было дать 500 миллионов долларов, на которые можно было смело сократить государственное финансирование вузов). Это была гениальная идея. С одной стороны, очевидно, «новые русские» должны были зацарапать самые лучшие площади в вузах, с другой — это кость, брошенная ректорам и проректорам по АХО: нетрудно понять, что им в руки должен был политься внешне не фиксируемый и нигде не приходящий долларовый поток;

5) ввести плату за все, за что можно: за пользование библиотеками и лингафонными кабинетами, компьютерными залами, лабораториями, спортзалами, бассейнами и т. п. Таким образом, из вузов будут вытесняться бедные: нет денег — не попадешь в библиотеку, не попадешь в компьютерный зал, следовательно, не сдашь экзамен, следовательно, будешь отчислен — формально *не за бедность*, а за неуспеваемость;

6) отменить ограничения на прием студентов на коммерческие отделения. Поскольку общее число студентов остается фиксированным (и даже сокращается на 15 процентов — в тех вузах, что вообще не будут закрыты или слиты), то очевидно, что отмена квот на прием «коммерческих» студентов быстро приведет к ликвидации «некоммерческих»: какой же дурак будет принимать в вуз студента, с которого нечего взять, если можно вместо него принять студента, платящего за все долларами (причем *по закону*, легально!).

Итак, очевидно, что «реформа Асмолова — Тихонова» была *сознательно* направлена на уничтожение вузовской науки, на ликвидацию высшей школы как социального института, служащего интересам общества и государства, на превращение высшей школы в инструмент закрепления социального и классового расслоения и неравенства. Эта «реформа» должна была лишить права на высшее образование бедных и обеспечить получение образования богатыми. Все просто: г-да Асмолов и Тихонов (и те, кто стоял за ними), естественно, были озабочены судьбами своих детей и внуков. Они хотели и хотят, чтобы их потомки *управляли, командовали, эксплуатировали*, а, упаси боже, не наоборот. Поскольку управляющих всегда меньше, чем управляемых, то, следовательно, надо избавить своих чад от угрозы конкуренции. Но, как известно, таланты рождаются спонтанно, на любых широтах и среди представителей всех социальных групп, а не *только у министров и замминистров*. Поэтому г-да Асмолов и Тихонов решили сделать так, чтобы не допустить умных и одаренных «кухаркиных детей» до высшего образования — тогда чада самих г-д Асмолова и Тихонова, даже если эти чада... как бы это поприличнее выразиться?.. не вундеркинды, *гарантированно* получают дипломы и войдут в социальную группу, соответствующую классовому и имущественному положению их родителей. «Дети наших начальников — начальники наших детей»...

Если бы у нас действовал старый Уголовный кодекс, то г-д Асмолова и Тихонова элементарно за такую «концепцию реформы» можно было бы отправить на скамью подсудимых по ст. 69 (вредительство), которая предусматривала, между прочим, до 15 лет заключения с последующей ссылкой. Но и по новому, действующему с 1997 года УК, г-д Асмолова и Тихонова можно за эту «концепцию» смело привлечь по ст. 136 (нарушение равноправия граждан) — лишение свободы до 3 лет, и по ст. 285 (злоупотребление служебным положением) — лишение свободы на срок до 7 лет.

Но это, конечно, утопия. На практике г-на Тихонова назначили министром образования. А г-н Асмолов и вовсе, не боясь никакого трибунала, похвалялся в своей книге, как он участвовал в сентябре—октябре 1993 года в организации «психологической войны» против сторонников Верховного Совета и в кампании одурачивания населения России во время и после октябрьского государственного переворота 1993 года⁷.

В «реформе Асмолова—Тихонова» содержался еще один интересный компонент. Она предполагала, как изящно выразились ее творцы, «легализацию деятельности общественных учреждений по привлечению средств» и «легализацию всех видов денег, циркулирующих в системе образования». То есть предполагалось *узаконить* все взятки и поборы, которые существуют в системе образования. Это уже будут не взятки и поборы, а *легально привлеченные* деньги. В этой области г-да Асмолов и Тихонов, видимо, большие профессионалы, так как они даже смогли рассчитать сумму «черного нала», циркулирующего в системе образования: 11 триллионов «старых» рублей (скромно названных «средствами семей») плюс 3 триллиона «старых» рублей, записанных в графу «платные образовательные услуги»⁸.

Все это напоминает легализацию платных услуг в нашей медицине. После этой легализации бесплатных услуг, вопреки уверениям тех, кто проводил «реформу», практически не стало, медикаментов в лечебных учреждениях не прибавилось (наоборот — исчезли и те, что были), а число и суммы взяток неимоверно возросли. Строго говоря, «реформа Асмолова—Тихонова» была направлена на то, чтобы превратить *каждого* преподавателя во взяточника, *повязать* каждого преподавателя соучастием в преступлении.

«Реформа Асмолова—Тихонова» была почти точной копией «реформы Мерлена» во Вьетнаме в 1923—1924 годах: та точно так же предполагала заменить существовавшее еще в Аннамской империи бесплатное школьное образование платным, с одной стороны, и резко уменьшить число студентов высшей школы (под предлогом «повышения качества образования» и «приближения» его к европейским образцам) — с другой. Но Мерлен был главой французской колониальной администрации во Вьетнаме — и вовсе не обязан был заботиться о просвещении и образовании «туземцев», справедливо полагая, что просвещенные и образованные вьетнамцы захотят освободиться от колониальной зависимости. Но Асмолов-то вроде бы не был колониальным чиновником, присланным в Россию из-за океана. Впрочем, коллаборационисты всегда вели себя более подло, чем собственно оккупанты.

«Реформа Асмолова—Тихонова» споткнулась на высшей школе. Еще до того, как эта «реформа» начала официально внедряться по всей стране, нашлись преданно глядящие в глаза начальству «энтузиасты», которые решили опробовать ее в отдельных городах и в отдельных вузах. Жертвами «энтузиастов» стали студенты и преподаватели. Первых заставили платить деньги, вторых сокращали. Было довольно быстро подсчитано, что успешное внедрение «реформы Асмолова—Тихонова» в жизнь приведет к тому, что высшее образование станет доступно лишь для 7 процентов российских семей!⁹ А это, как нетрудно понять, повлечет за собой волну повсеместных закрытий вузов, увольнений преподавателей и, если называть вещи своими именами, полное уничтожение высшей школы в России.

Протесты против «реформы» сразу приобрели массовый характер. Ректоры вузов собирались на специальные съезды и принимали гневные резолюции протеста, угрожая акциями неповиновения. Знаменитые студенческие беспорядки в Екатеринбурге в апреле 1998 года были вызваны именно «реформой Асмолова—Тихонова» — вернее, одной только угрозой ее воплощения в жизнь. Еще до Екатеринбурга, в октябре 1997 года, студенческие выступления против «реформы Асмолова—Тихонова» прошли в Новосибирске. В авангарде протеста были студенты Новосибирского политехнического университета (НГТУ), в котором администрация особенно рьяно взялась за внедрение в жизнь «реформы». Вылилось это в установление платы за пользование читальным залом и спортзалом, а также компьютерными классами в размере 500 тысяч рублей на человека. Несколько дней в городе продолжались студенческие протесты, однажды даже перекинувшиеся на новосибирский Академгородок. Выступления произвели неприятное впечатление на местную администрацию (поскольку, естественно, на студенческих митингах активно выступали и успешно вербовали сторонников представители радикальной — и не очень — оппозиции). Местная пресса, демонстрируя примитивную провинциальную рептильность, дружно осудила студенческие выступления и заодно заклеймила «происки коммунистов»¹⁰. Центральные СМИ эти студенческие выступления тщательно замолчали.

Следующими после новосибирцев были воронежцы. 22 октября 1997 года 10 тысяч студентов провели в Воронеже бурный несанкционированный митинг протеста против «реформы Асмолова — Тихонова». Воронеж был одной из «экспериментальных площадок» этой «реформы». Именно в Воронеже студенческие лидеры подсчитали, что из 11 городских вузов уцелеет 2—3. Студенты несли плакаты «Платному образованию — нет!», «Стипендия — гастрит!» и «Правители, мы вас отчислим!». Митингующие потребовали отмены решения правительства Черномырдина о 15-процентном сокращении приема в воронежские вузы, об отмене стипендий, доплат на питание, льгот на проезд в городском транспорте и о

повышении платы за проживание в общежитии. Студенты приняли на митинге резолюцию, адресованную местным властям, центральному правительству и президенту, в которой предупредили, что если их требования не будут выполнены — они перейдут к акциям открытого неповиновения. На митинге было рассказано, кстати, что правительство решило «сэкономить» на доплатах на питание студентам 12 миллиардов рублей («старыми»), а на детских пособиях для студентов-родителей — 462 миллиона¹¹.

Местные власти были сильно напуганы митингом и не предприняли попыток как-либо пресечь несанкционированную акцию. О студенческих выступлениях сообщило даже агентство ИТАР-ТАСС¹², но центральные СМИ этой «тасовкой», конечно, «не заинтересовались».

Осенью того же года прошли студенческие выступления — правда, более скромные — в Архангельске, Чебоксарах и Омске. Однако пик протестов пришелся на весну 1998 года. Все началось со ставших знаменитыми студенческих беспорядков в Екатеринбурге. Поскольку они совпали с периодом «безвластия» (Черномырдин был снят, Кириенко еще не утвержден), когда все политические силы интриговали друг против друга, об этих беспорядках было рассказано довольно подробно. Впрочем, о том, что студенты выступали именно против «реформы Асмолова—Тихонова», центральные СМИ если и сообщали, то очень невнятно.

Но Екатеринбургом не кончилось. 6 мая в Ульяновске леворадикальный профсоюз «Студенческая защита» организовал несанкционированную демонстрацию в центре города — от Дворца книги и до площади 30-летия Победы, протестуя против «реформы Асмолова—Тихонова». В демонстрации участвовали студенты Ульяновского госуниверситета и Ульяновского госпединститута. Демонстрация прошла под лозунгами «Мозги не купишь!» и «Вся власть студентам!». Испуганные местные власти приняли лидеров демонстрантов в здании администрации и взяли у них петицию протеста, адресованную лично Ельцину. Российские центральные СМИ не обмолвились об этой демонстрации ни словом.

В Челябинске в порядке проведения в жизнь «реформы Асмолова—Тихонова» в университете решили упразднить сразу два факультета — управления и социальный. Начались волнения. 8 мая студенты провели бурную несанкционированную уличную акцию протеста и заставили ректора университета вступить с ними в переговоры. 13 мая со студентами был вынужден встретиться глава администрации А. Косилов. 21 мая администрация университета была вынуждена пойти на уступки и согласилась сохранить факультет управления, включив его вместе с юридическим факультетом в новосоздаваемый Институт государства и права¹³. Российские центральные СМИ полностью проигнорировали и эти события.

22 мая состоялись студенческие выступления в Оренбурге. Студенты Оренбургского госуниверситета (ОГУ) перекрыли на несколько часов движение по центральной магистрали города — проспекту Победы. Студентов поддержали и преподаватели. Даже председатель Областного собрания В. Григорьев солидаризовался со студентами. Силу применять власти не рискнули: в ОГУ учится и работает 20 тысяч человек¹⁴. Российские центральные СМИ проигнорировали и эти события.

26 мая состоялись уличные студенческие выступления в Иркутске. Студенты протестовали против «реформы Асмолова — Тихонова» и даже утопили в Ангаре символическую фигуру студента, к ногам которой были привязаны кирпичи с надписями: «Ельцин», «Кириенко», «Немцов» и «Тихонов»¹⁵. Российские центральные СМИ эту акцию также замолчали.

Затем наступило время экзаменов и каникул. Власти получили передышку до осени. За это время в кабинете Гайдара Чубайс написал постановление о «дефолте», а Кириенко это постановление подписал и «озвучил» (так, во всяком случае, рассказывал публично — по TV — лидер фракции НДР в Думе, показательно, что никто из упомянутых лиц его не опроверг!). В результате Россия получила новое правительство — правительство Е. М. Примакова.

Из того, что центральные российские СМИ — продажные и репутильные, зависимые от крупного капитала («олигархов») — старались, насколько это можно, замолчать студенческие протесты против «реформы Асмолова—Тихонова» (зачем же, действительно, пропагандировать «дурные примеры?»), еще не следовало, что об этих выступлениях не знали в правительстве. Знали — и накануне Всероссийской акции студенческого протеста 1 октября 1998 года ненавистный министр Тихонов был отправлен в отставку. В результате акция прошла мирно и без кровопролитий, хотя охватила 45 субъектов Федерации, и в 11 из них выступления носили уличный характер. Во многих местах в митингах участвовали губернаторы и другие представители власти. В Челябинске мэр лично скандировал «Стипендию! Стипендию!», а местные власти не только выплатили студентам деньги, но и предоставили право бесплатного проезда на городском транспорте 2 тысячам учащихся. В Самаре было объявлено об отказе от начала «реформы», предусматривавшей сокращение числа вузов. В Ярославле губернатор объявил о введении специальных стипендий.

Асмолов сразу после этого ушел в отставку сам — со скандалом и истерикой, громко хлопнув дверью и выдавая себя за «жертву коммунистического тоталитаризма». Ни один зам. министра не уходил в отставку с таким шумом. Асмолову предоставили телеэкран и страницы сразу нескольких изданий. Он обличал «происки коммунистов» и восхвалял свое «вариативное образование», тщательно скрывая суть «реформы Асмолова—Тихонова». Не сказал Асмолов также и о том, что, даже потеряв пост зам. министра образования, он остался важной персоной в Фонде Сороса. Мало кто из наших ученых-гуманитариев, зависящих от соросовских грантов, рискнет и сейчас покритиковать Асмолова.

И хотя активное сопротивление студентов позволило отбить атаку на высшую школу, этот успех может быть полностью сведен на нет деградацией среднего образования. «Реформа Асмолова—Тихонова» ведь была не «реформой» только высшей школы, а «реформой» *всей* системы образования. При Примакове устами нового министра образования Владимира Филиппова было заявлено, что никаких разрушительных изменений, направленных на уничтожение бесплатной высшей школы и вытеснение государства из сферы высшего образования, не будет. Но к тому времени по начальной и средней школе уже был нанесен сокрушительный удар.

О тяжелейшем состоянии начальной и средней школы у нас за последние годы написано очень много, но никакая «гласность» ситуацию не улучшила. Школа продолжает медленно, но неуклонно деградировать и разрушаться, теряя преподавательские кадры, получая все меньше денег на содержание, лишившись качественных программ обучения и не охватывая уже всех детей школьного возраста. (Еще в 1994 году на слушаниях в Госдуме говорилось, что вне средней школы оказались 1,5 миллиона детей, а сколько сейчас? — 3 миллиона? 5? 10? Неизвестно.) Даже неолиберальный «Московский комсомолец» статью о состоянии средней школы в России назвал так: «Апокалипсис сегодня»¹⁶. Из этой статьи, кстати, можно почерпнуть интересную статистику: *минимальная* потребность российской школы в 1995 году составила 4 200 миллиардов рублей, профинансировано же 2 568 миллиардов — чуть больше половины. За такие

вещи, вообще-то говоря, надо отдавать под суд военного трибунала — но, разумеется, для этого нужно сначала сменить режим.

С тех пор положение заметно ухудшилось. С 1995 года в России ежегодно закрывается по финансовым причинам от 400 до 450 школ. Забастовки и голодовки учителей, доведенных до нищеты, стали обыденным явлением. Один чиновник Минобраз (просивший, естественно, не называть его имени)¹⁷ рассказывал летом 1999 года, что давно уже разработана методика «улучшения картины» по забастовкам учителей: в частности, все разрозненные забастовки в одном населенном пункте (или даже районе) объединяются статистикой в одну; в число потерянных часов включают только *обязательные*, не учитывая факультативы, дополнительные занятия и т. п.; в число забастовщиков включаются только педагоги, работающие постоянно в штате, но не включаются директора, совместители и т. п. По ТВ несколько раз рассказывали замечательные истории об учителях, которые переходили от длительных забастовок к голодовкам — и только на этой стадии выяснялось, что местное руководство тщательно скрывало от всех факт забастовки!¹⁸

Чтобы развалить среднюю школу, власть пошла даже на *нарушение Конституции*. Сегодня в России средняя школа передана в ведение органов местного самоуправления (причем школу передали этим органам без необходимых для ее функционирования материальных и финансовых ресурсов и даже без установления государственного контроля за деятельностью местных органов в отношении школы), в то время как по Конституции органы местного самоуправления *не входят в систему органов государственной власти, ей неподконтрольны и полностью самостоятельны в использовании государственных средств*. А ведь Конституция *гарантирует* право каждого на *общедоступность* и *бесплатность* среднего образования в государственных образовательных учреждениях (ст. 43)¹⁹.

А поскольку в муниципальных кассах, как известно, хоть шаром покати, «муниципализированные» школы обречены либо на медленную деградацию и закрытие, либо даже на *продажу с торгов* за долги местной власти. Прецедент уже есть: в июле 1999 года в Булуктинскую среднюю школу (в Калмыкии) пришел судебный исполнитель и описал имущество! Точно так же было описано имущество музыкальной школы, библиотеки и детского сада. Оказывается, делалось это по решению суда, удовлетворившего иск «Калмыкэнерго» к местной власти (та задолжала ОАО «Калмыкэнерго» 363 с лишним миллиона рублей). Кстати, и зарплату местная администрация задолжала учителям за полгода — и теперь уже, конечно, не выплатит²⁰. Причем судиться с местной властью бесполезно: вон учителя Губихинской средней школы (Пермская область) выиграли в суде иск у местной администрации — а в результате в школу пришли судебные приставы и ... описали школьное имущество. Замысел у судей такой: продать это имущество и вырученные деньги выплатить учителям в качестве зарплаты!²¹

В целом к 1 сентября 1999 года лишь 10 регионов официально (а официальным цифрам верить нельзя: например, при правительстве Примакова было официально сообщено, что задолженности военнослужащим полностью погашены — после этого во все газеты посыпались тысячи писем от военнослужащих с одним и тем же вопросом: где деньги?²²) не имели задолженности по зарплате перед учителями, в 14 субъектах задолженность превышала 2 месяца, в 15 — 3 месяца, а во многих местах учителям не платили по 5—8 месяцев и даже по году. При этом зарплата учителя (даже работающего на две ставки) ниже прожиточного минимума²³.

Политика правящего режима по отношению к рядовым учителям не может быть названа иначе, как *стратегия уничтожения*. Нищета и униженность учителя сегодня разве что не вошли в поговорку. Поскольку школьные учителя — это в основном женщины, трудно рассчитывать, что они окажутся способны, в отличие от шахтеров, на акции силового давления на власть (а власть сегодня понимает только язык силы).

Я убежден, что это делается *специально*. Ребенок школьного возраста сталкивается с двумя источниками естественного авторитета: родителями и учителями. Ограбленные гайдарами и чубайсами, безработные и безденежные родители, весь жизненный опыт которых оказался *не нужен* в условиях либеральных «реформ», — уже *не авторитет* (скорее — объект насмешек). Чтобы никто из учителей не мог быть авторитетом, их тоже нужно превратить в нищее, забытое, голодное и плохо соображающее (от голода) *стадо*. Ради этого власть идет на прямое издевательство над учителями, как, например, в Пермской области, где в прошлом году придумали ввести для учителей специальные талоны на смешную сумму в 83 рубля 49 копеек. На эти талоны учитель мог раз в год купить себе либо продукты питания, либо методическую литературу!²⁴ Нетрудно догадаться, что именно покупали учителя. Впрочем, бывают примеры еще более впечатляющие. Два года назад в редакции «Учительской газеты» мне демонстрировали присланную из Улан-Удэ газету, в которой рассказывалось, что наиболее распространенной формой приработка для улан-удинских учительниц стала... проституция!

Добавим к этому еще и то, что наша школа с 1984 года, со времен «алиевской» школьной реформы, переживает период бесконечных экспериментов и реформирований. Чудо, что она вообще еще как-то функционирует. Накануне «алиевской» реформы в 1982 году на всех международных конкурсах советские школьники заняли первые места. В 1995 году Россия скатилась на 8—9 места²⁵. Сегодня нет и этого. По данным экспертизы ЮНЕСКО, проводившейся в 65 странах мира, Россия оказалась сегодня по качеству образования в середине третьей — худшей — группы обследованных стран (то есть на 50—55 местах)²⁶.

А какие замечательные люди управляли нашей школой за годы реформ! Первый из министров образования, успешно разваливавших порученную ему область, г-н Днепров, был отправлен в отставку после того, как с парламентской трибуны его уличили в покровительстве ближайшим подчиненным, расхищавшим государственные средства в особо крупных размерах. Примечательно, что дело о хищениях спустили на тормозах, а г-н Днепров благополучно переключился в другое высокооплачиваемое нomenclатурное кресло — в Академии педагогических наук.

Днепрора сменил г-н Ткаченко, имевший в министерстве прозвище «Блаженненький». Прозвище себя полностью оправдывало: «Блаженненький» ни во что не вникал и все дела отдал на откуп своим заместителям. Именно при нем было предано анафеме воспитание и под видом некоего «вариативного образования» стал внедрять свои планы заместитель министра г-н Асмолов.

Следующим министром был уже упомянутый г-н Кинелёв. Кинелёв добился массового бегства дипломированных учителей из школ (в результате даже в Москве сегодня есть школы, где до 70 процентов учителей не имеют педагогического образования!) — вследствие нищенских зарплат (которые к тому же не выплачивались по полгода и году) и чудовищных «новаций» вроде отпуска в ряде мест школ для умственно отсталых детей с распределением их контингента по обычным школам. Впечатление складывается такое, что именно этого — бегства учителей — в Ми-

нистерстве образования и добивались. Во всяком случае, летом 1999 года один министерский чиновник с видимым удовольствием говорил главному редактору «Учительской газеты П. Положевцу, «что все талантливые, горящие учителя, кто умел думать и учил этому ребят, ушли из школы. Что остались там лишь те, для кого школа — обычная работа, как конвейер: пришел, дал урок и забыл. Или несостоявшиеся актеры, кинозвезды, певцы, для кого школа — последний театр, подмости, или сумасшедшие»²⁷.

За г-ном Кинелёвым последовал г-н Тихонов, который и пытался (пока его не снял Примаков, дабы не доводить студентов до беспорядков) внедрить свою (совместную с Асмоловым) «реформу», хотя даже лояльная к этой «реформе» «Учительская газета» (главный редактор которой — личный друг А. Асмолова), проводившая среди школьных учителей «заочный референдум» по отношению к «реформе», вынуждена была признать, что свыше 80 процентов учителей высказались против «реформы Асмолова—Тихонова».

«Реформа Асмолова—Тихонова» должна была убить среднюю школу окончательно. Эта «реформа» предусматривала полное устранение государства из сферы финансирования средней общеобразовательной школы. Школы должны были финансироваться из трех источников: бюджетов местных органов самоуправления (допустим, в Москве это возможно, но не в Ивановской области, не в Приморье, не в большей части страны), средств семей школьников (а что делать тем, кому по 9—12 месяцев не платят зарплат? Неужели брать топор и идти на улицу убивать семьи г-да Асмолова и Тихонова?) и из средств предприятий, которые почему-то должны давать деньги на содержание школ (это уже на уровне бреда: большинство предприятий и так в долгах как в шелках; г-да Асмолов и Тихонов утверждали, что предприятия будут отчислять деньги на школы из специальной налоговой льготы, но сама эта льгота существовала в головах г-да Асмолова и Тихонова и больше нигде!). А еще г-да Асмолов и Тихонов придумали, что каждая школа должна будет сдавать коммерческим структурам не менее 500 квадратных метров площади по 50 долларов за метр в год, а каждый техникум — не менее 800 квадратных метров по 70 долларов за метр в год, и все это якобы принесет школам 92,5 миллиона долларов, а специальным средним учебным заведениям — 87,5 миллиона долларов!²⁸ Интересно, видели ли г-да Асмолов и Тихонов хоть раз в жизни среднюю школу или техникум?

И хотя министр Филиппов публично заверил школьную общественность, что никакой «реформы Асмолова—Тихонова» при нем, Филиппове, не будет, в действительности основные принципы этой «реформы», как мы видим, успешно воплощаются в жизнь — явочным порядком. В первую очередь, это касается ликвидации бесплатного образования. Ненависть правящей элиты к бесплатному образованию, как справедливо писала еще в 1992 году Ирина Глущенко²⁹, не может быть объяснена никакими догмами либерализма, поскольку, напротив, классические либеральные взгляды требовали создания «равных стартовых возможностей». Тем более нельзя объяснить это стремление с точки зрения государственных интересов: современная экономика требует не массового «производства» неграмотных, а, наоборот, массового «производства» высокообразованных кадров. Следовательно, единственная причина, которой можно объяснить действия либералов, упорно пытающихся уничтожить бесплатное образование, — это стремление закрепить навечно сложившееся социальное неравенство, обеспечить *собственным детям* социальные и образовательные преимущества, ликвидировать в *зародыше* возможных конкурентов «из низов». Это начинает понимать даже умеренная

пресса. Так, газета «Вёрсты» опубликовала материалы, показывающие грандиозный разрыв между жизнью (если это так можно назвать) подавляющего большинства детей в России, с одной стороны, и детей элиты — с другой. Газета пришла к грустному выводу: «Власть ведет фатальное наступление на социальные завоевания для детей» и сопроводила материал о внуках Ельцина саркастическим заголовком: «Все лучшее — СВОИМ детям»³⁰.

В середине 90-х я работал в Центре анализа науки РАН (ЦАН). Сотрудники ЦАН однажды подсчитали, что свыше 80 процентов советской научной элиты — людей, которые составили славу нашей науки, — родились в деревне или в малых и средних провинциальных городах. Именно *эгалитаристский* подход к образованию, бесплатная и единая школа дали им возможность развить заложенные в них природные таланты. Больше этого не будет. Никаких новых Ломоносовых Россия при сегодняшнем состоянии среднего образования не добьется. Дети крестьян, дети провинциалов, будь они хоть семи пядей во лбу, не смогут тягаться с детьми чубайсов, немцовых, асмоловых и тихоновых (хотя бы те и были придурками): отныне образование — это не развитие природных умственных способностей детей, а *состязание кошелеков родителей*. Собственно, это очевидно уже сегодня. Даже по ТВ не так давно рассказывали об исключительно талантливом мальчишке из якутской деревни, которого не взяли на мехмат потому, что он был полностью неграмотен с точки зрения информатики. Можно подумать, мальчишка виноват в том, что у них в якутской деревне нет компьютеров!

Между прочим, компьютеры в России имеют только 1,4 процента семей и только 3,5 процента россиян имеют доступ к Интернету (половина, как нетрудно сообразить — на работе). И только 28 процентов российских граждан *знают*, что такое Интернет³¹. Для сравнения: в Швеции *пользуются* Интернетом 40 процентов населения, в США — 36 процентов, в Германии — 24 процента, в Исландии — аж 45 процентов³².

Наших либералов, так рьяно борющихся со всеобщим бесплатным образованием, иначе как *подлецами* назвать не могу. Поскольку сами они получили образование *бесплатно* — и это образование в немалой (думаю, в преобладающей) степени определило их нынешний высокий социальный статус. Лишать сегодняшнюю молодежь тех социальных благ, которыми они сами в прошлом успешно воспользовались, — это именно *подлость*.

Существует лишь одно серьезное возражение против всеобщего бесплатного образования — то, которое было высказано со страниц «Свободной мысли» Аллой Глинчиковой³³. Действительно, в условиях резкого неравенства доходов бесплатное образование может выступать в качестве *социальной субсидии для богатых*. Но при этом оно вовсе не «закрепляет и увеличивает социальное и образовательное неравенство», как полагает А. Глинчикова, — поскольку *социальное неравенство* в реальной (а не воображаемой) России «увеличивается и закрепляется» сегодня по причинам, *никак не связанным* с бесплатным образованием (какое образование у Тайванчика и Япончика?), а *образовательное неравенство* возникло в реальной (а не воображаемой) России из-за вполне сознательной политики «построения капитализма с нечеловеческим лицом» (поскольку капитализма «с человеческим лицом» в природе не бывает — если в головах у некоторых *политологов* наличествует *иллюзия* существования такого капитализма в странах капиталистической метрополии, то это только потому, что означенные политологи в силу *скрытого расизма* старательно не замечают, что благополучие метрополии основано на ограблении периферии).

Формально предлагаемая А. Глинчиковой мера — введение платного образования для того, чтобы на деньги, полученные с богатых учени-

ков (их семей), можно было финансировать образование и «селективно субсидировать представителей бедных и обездоленных групп», — выглядит разумно. Но, увы, является чистой воды маниловщиной: с чего это власть и деньги имущие пойдут на *самодискриминацию*? Ни в одной стране мира этого не было (мировой опыт показывает, что всякая демократизация системы образования при капитализме является следствием *давления снизу*). Это во-первых. А во-вторых, в стране, в которой за последние 10 лет чуть более 1 процента населения разбогатело, а свыше 95 процентов — обеднело (в том числе, даже по официальным, откровенно лживым, данным, 48 процентов населения живет за чертой бедности, в тотальной нищете), сколько же, интересно, должно стоить образование для богатых, чтобы можно было и содержать систему образования, и «восстановить справедливость», «селективно субсидируя» из этих денег бедных? Я не поленился и посчитал. У меня получилось, что (в грубом приближении) год обучения ребенка из богатой семьи в средней школе обойдется в 75 тысяч долларов, а в высшей школе — в 55 тысяч. Да какой же дурак согласится платить такие деньги?!

Добавлю еще, что де-факто платное образование для богатых и так существует. Богатые семьи способны нанимать репетиторов — и делают это, бедные — нет. Таким образом уже закрепляется *образовательное неравенство*. Более того, в наиболее престижные вузы (к ним, кстати, всегда относился и Московский государственный лингвистический университет, МГЛУ, бывший МГПИИЯ им. М. Тореза, где преподает А. Глинчикова) уже сейчас почти невозможно поступить без взятки. В прессе и в электронных СМИ неоднократно в открытую назывались суммы, которые необходимо заплатить за поступление в эти вузы (все это делается фактически легально — под названием «спонсорская помощь»). В МГИМО, например, в зависимости от факультета, это от 5 до 10 тысяч долларов³⁴. Знакомая студентка из МГИМО (поступившая без взятки, поскольку работала в МГИМО лаборантом на одной из кафедр) подтверждает: да, у них в группе только два человека не платили при поступлении. Сын знакомого журналиста Б. К. за первый год учебы за социологическом факультете МГУ нашел у себя на курсе целых восемь «не блатных»!³⁵

Совсем свежий пример — из практики вступительных экзаменов этого года. Юридический факультет МГУ. Поступить можно, только если вы *обязательно* занимались с преподавателями этого факультета как с репетиторами. Стоимость одного занятия — 50 долларов. Годовой расход — 6 тысяч долларов. Следующая стадия — экзамены. Как их сдают, очень ярко рассказывают — в прессе — родители абитуриентов: «Нас около 80 человек — людей, возмущенных безобразиями, которые там творятся. На наших глазах и на глазах всех поступающих происходят просто ужасные вещи. Положительные оценки получают абитуриенты, не обладающие знаниями, и наоборот — способных ребят заваливают самым откровенным образом. Есть определенные тарифы на тот или иной экзамен. Например, чтобы получить «4» по сочинению, надо заплатить от 3 до 5 тысяч долларов. История, обществознание и английский язык — минимум 3 тысячи. Списки абитуриентов составляются в соответствии с подбором преподавателей, и преподаватели уже знают, кому какую оценку необходимо поставить. (Кстати, почему бы налоговой полиции не заинтересоваться их доходами?) Каждый экзаменуемый преподаватель получает список номеров — кодов фамилий поступающих, которые оплатили, и беспеременно, на глазах у других, ставит явно не знающим нужную оценку»³⁶.

У других городах аппетиты взяточников от высшей школы скромнее. В Махачкале, например, за поступление в университет берут всего 3 ты-

сячи долларов. Это выяснилось недавно — после задержания с поличным при получении взятки академика (академика!) Наримана Османова³⁷.

А вот пример другого рода, но тоже связанный с коммерциализацией высшей школы. В Тамбове летом 1999 года разразился скандал, вызванный к жизни именно *платным* образованием и ползучим внедрением в жизнь «реформы Асмолова—Тихонова». Весной этого года в Тамбове открылся филиал Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ, бывший Московский институт культуры) — открылся на базе уже существовавшего Тамбовского учебного центра, где студенты получали образование в течение 2 лет. Образование платное, и деньги, по тамбовским представлениям, очень приличные. Ректор тамбовского Государственного университета им. Г. Р. Державина (возникшего в годы перестройки путем слияния педагогического института и института культуры) В. Юрьев решил, что неплохо бы «курицу, несущую золотые яйца» прибрать к рукам, то есть включить этот филиал в состав Университета им. Г. Р. Державина. Основание? Очень просто: помните, «реформа Асмолова—Тихонова» предусматривала слияние однопрофильных вузов? Студентов Тамбовского филиала МГУКИ и их родителей собрали и поставили в известность, что теперь они учатся в Университете им. Г. Державина и что платить придется гораздо больше. Студенты и родители, естественно, воспротивились. Против был и ректор филиала В. Тютюнник. Конфликт длится до сих пор — и судьба филиала и студентов на момент написания этой статьи неясна³⁸. Этой неприличной и без преувеличения идиотской истории не было бы, если бы образование было бесплатным (не позарился бы тогда на филиал МГУКИ ректор В. Юрьев) и если бы г-да Асмолов и Тихонов не разработали свою «реформу».

Напомню, что у богатых есть также возможность обучать своих детей, во-первых, за рубежом, а во-вторых, в частных, то есть платных вузах. Последние, кстати, являются замечательным примером того, как коммерциализация *растлевающее* влияет и на студентов, и на преподавателей, и на администрацию. Преподаватели совершенно не стремятся передать какие-то знания студентам — все равно те сдадут все экзамены, не выгонять же их: они же платят деньги. Более того, есть прямой резон учить студентов *плохо*: за каждую пересдачу экзамена или зачета со студентов берут *деньги* (это, правда, незаконно, но в коммерческих вузах студентам об этом не рассказывают)³⁹. Поскольку преподавание в коммерческом вузе — вещь прибыльная, преподаватели ведут ожесточенную борьбу друг с другом за часы, курсы, места: подсиживают, интригуют, натравливают на «недрузгов» (конкурентов) студентов, а бывает, что и нанимают громил. Зав. кафедрами норовят избавиться от «не своих» и набрать друзей и знакомых (пусть и с низкой квалификацией), которые были бы в результате *обязаны* своими местами зав. кафедрами, *зависели* от них (а бывает, что поступление на работу заранее оговаривается условием выплаты зав. кафедрой ежемесячной «ренты» от преподавателя, бывает и так, что приходится платить не деньгами, а собственным телом). Я основываю свой рассказ, в частности, на показаниях А. С., некоторое время работавшей в широко разрекламированном Университете Натальи Нестеровой.

В результате именно частные платные вузы превращаются в заповедники обмана, мошенничества и финансовых махинаций. Проверка, недавно проведенная в 62 регионах страны и затронувшая 657 платных вузов, показала, что закон нагло и грубо нарушается в 651-м!⁴⁰ А вот пример локальный: в небольшом, вроде бы, уральском городе Златоусте комиссия городского собрания обнаружила целых 13 негосудар-

ственных платных вузов. Зачем так много? А затем, что в большинстве своем это оказались натуральные фирмы «Рога и копыта»: лицензий они не имели, «дипломы» их нигде и никем не признавались — но денежки со студентов эти вузы получали исправно!⁴¹

В конце 70-х, во времена владычества Г. Х. Попова на экономическом факультете МГУ, про этот факультет, как известно, говорили, что «без дубленки туда не поступишь». Уже в 90-е Гавриил Харитонович продемонстрировал, что делает с человеком долгая привычка к жизни в насквозь коррумпированной среде, — когда предложил на всю страну узаконить взятки и установить на них «тариф». Тот, кто ратует за платное образование, собственно, ратует за легализацию коррупции в масштабах отрасли — и, если он имеет к образованию прямое отношение, ратует наверняка потому, что *лично* в этой коррупции заинтересован.

Платная средняя школа у нас тоже уже есть. Я не говорю о бесконечных — вынужденных, впрочем — поборах с родителей во всех школах. Но ведь есть и официально *платные* школы (часто именующие себя пышно «гимназиями» и «лицеями»), где обучаются именно дети *богатых* и куда, естественно, большими заработками высасываются высококвалифицированные учителя из всей образовательной системы (поскольку учителей в стране *не хватает*, то, следовательно, платная школа *отбирает* учителей у бесплатной)⁴². Уж там-то нет перебоев с учебными пособиями, уж там-то есть и компьютеры, и реактивы — и, более того, очень модно заключать договоры между такими «лицеями» и некоторыми вузами о *льготных* условиях поступления в них выпускников этих «лицеев».

Практически не отличаются от *официальных* платных школ и неофициальные, то есть спецшколы. Результаты исследования социального состава учащихся сегодняшних спецшкол опубликованы в журнале «Российский обозреватель»⁴³. Итак, отцы 80 процентов учащихся российских спецшкол принадлежат сегодня к экономической и социальной элите. 72 процента выпускников спецшкол идут в престижные вузы (МГУ, МГИМО, Финансовая академия, Российская экономическая академия, Российская академия управления, МГЛУ, РГГУ, новые негосударственные вузы). Выпускники новосибирских спецшкол в качестве своей будущей профессии выбрали в основном экономику и финансы (31,5 процента) и право (10,4 процента) — а вот, например, искусство и культуру выбрали лишь 2,9 процента, то есть все мечтают стать А. Чубайсом или Дм. Якубовским, и почти никто — Ф. М. Достоевским или, скажем, С. Т. Рихтером! Интересно также, что, по данным того же исследования, именно ученики спецшкол гораздо чаще пользуются услугами репетиторов перед поступлением в вузы, чем ученики обычных массовых школ — и авторы исследования связывают это именно с финансовыми возможностями семей учащихся спецшкол. Говоря иначе, система образовательного неравенства, основанная на имущественном, социальном, в конечном счете *классовом* неравенстве, уже создана и успешно функционирует.

Итак, советская практика *распределения* выпускников педвузов упразднена, платная (частная) школа успешно высасывает кадры из бесплатной (государственной). Откуда, интересно, возьмутся учителя для безденежной сельской глубинки где-нибудь в Башкирии? О Башкирии упоминаю не случайно. Год назад я опубликовал в журнале «Ровесник» статью о жизни провинциальной молодежи. Среди откликов было письмо от школьницы из глухого башкирского села. Письмо, кстати, без единой грамматической ошибки и для школьницы замечательно умное и толковое. Среди прочего девочка писала, что перспектив — никаких, «живых» денег в селе не видели уже лет пять, зарплату в госхозе выдают мукой или зерном — и то не всем и не всегда, население от безработицы

и беспросветности в массовом порядке спивается (для этого деньги не нужны, гонят самогон), начальство меняется каждые полгода — этого срока аккурат хватает на то, чтобы наворовать себе и своим детям на шикарные хоромы и новые автомобили, больницу закрыли, детский сад закрыли, школу на следующий год тоже закроют. Я понимаю, что преподаватели в престижном МГЛУ не сталкиваются с абитуриентами из таких вот деревень: у этих деревенских ребят и девушек просто *нет денег, чтобы доехать до Москвы*, а даже если и доедут — нет шансов поступить (нет блата или, в качестве замены его — долларов), не говоря уже о том, что никогда в жизни не сдать им на вступительных экзаменах в МГЛУ *иностранный язык*: это ведь именно в МГЛУ несколько лет назад «заваляли» на вступительных экзаменах девушку, родившуюся в Вене и прожившую всю жизнь в Германии и Австрии — за «*плохой немецкий язык*» (девушка с тех пор несколько книг с русского на немецкий перевела и очень хорошо зарабатывает в Мюнхене)! Но дети, родившиеся в этих деревнях где-нибудь в Башкирии, Татарии или Сибири, ведь не виноваты в том, что их родители всю жизнь *честно работали* вместо того, чтобы воровать и убивать, вырастая в «воров в законе», или строить комсомольскую карьеру, упоенно славя «теоретические открытия» еле живого Брежнева и «стуча» в КГБ на своих товарищей. Между прочим, эти родители работают до сих пор — и производят те самые продукты, которые мы все, горожане, едим (я, признаться, плохо верю в то, что преподаватели МГЛУ питаются исключительно импортными продуктами)⁴⁴.

А между тем, уже сегодня, в зависимости от региона, на селе не учится от 1/3 до 4/5 детей школьного возраста (сколько точно — никто не знает: телекорреспонденты, рассказывая об этом, приводят разные цифры, и эти цифры явно носят локальный и приблизительный характер, поскольку даже член Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и молодежи Любовь Швец не смогла получить доступ к официальной статистике на эту тему⁴⁵). Уже сейчас, по данным Минобороны, до 25 процентов призывников из сельской местности оказываются фактически неграмотными. В 1997 году в Сибири каждый десятый призывник был *полностью неграмотным*. Всё. Эти молодые люди *уже обречены* на то, чтобы остаться навсегда на социальном дне. Уголовная статистика подтверждает: так и есть — по данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД России, *каждый третий* правонарушитель школьного возраста весной 1999 года не имел *даже начального образования!*⁴⁶

Но все это — *усредненные* данные. Как социолог, профессионально занимающийся меньшинствами и малыми группами, я привык скептически относиться к средним данным. И вот почему: с точки зрения макросоциологии и статистики, если в прошлом месяце Б. А. Березовский имел доход в размере 1 миллиард долларов, а 999 рабочих N-ского завода не имели никакого дохода вообще, то каждый в среднем получил доход в размере 1 миллион долларов! В России есть сегодня *депрессивные*, умирающие районы (и даже регионы), *зоны социального бедствия*, для которых даже средние цифры — наглое приукрашивание действительности. Вот, например, Корякский национальный округ. Из 42 дошкольных учреждений 40 процентов непригодны для пребывания в них детей; 1 сентября 1998 года 27 процентов школ округа так и не начали работать, из оставшихся 80 школ 10 находятся в аварийном состоянии, а износ остальных составляет 70 процентов. Дети оленеводов, обучавшиеся ранее в интернатах, теперь не учатся совсем — новая, «демократическая» власть увидела в интернатах «*нарушение языковых и культурных традиций*» малых народов Севера (лучше, значит, если коряки будут вообще неграмотны!).

Дальше, конечно, будет еще хуже: Корякский округ *вымирает* — за последние 10 лет население его сократилось с 40,2 тысяч человек до 31,1 тысяч; в райцентре Каменском из 1355 жителей осталось 715; в 5 селах округа число безработных дошло до 80 процентов; северный завоз сорван, население не видело денег годами; в Манильскую среднюю школу учебники не поступали 5 лет, в Таловской школе нет преподавателей русского, иностранных языков, физики, химии, трудового обучения. В школах, больницах, детских садах нечего есть. В 1999 году в округ было завезено лишь 10 процентов от требуемого продовольствия. Зато губернатор округа В. Т. Броневич и вице-губернатор Б. П. Левчук и их родственники стали миллионерами!⁴⁷

Я вполне допускаю, что и губернатор Броневич, и вице-губернатор Левчук не будут возражать против того, чтобы их дети получили платное образование. Но я сильно сомневаюсь, что эти люди, «прокручивающие» в *личных* коммерческих интересах *государственные* деньги⁴⁸ и лишившие детей оленеводов *конституционного права* на образование, согласятся, чтобы из их *личных* (пусть и приобретенных незаконным путем) денег субсидировалось образование «бедных и обездоленных». Кстати, в России, по официальным данным, всего 570 платных частных школ на 64 000 государственных⁴⁹. Можете быть уверены, это отражает реальное положение дел с *имущественным расслоением* населения России.

Подведем итог: разрушение существовавшей в СССР единой всеобщей и бесплатной системы образования и замена ее новой, направленной на закрепление классовой структуры *буржуазного* общества, — вовсе не стихийное явление, а результат сознательных действий вполне конкретных людей, представителей довольно узкого социального круга. И это не «заговор», а *нормальная классовая* политика, порожденная естественными экономическими, социальными и политическими *интересами* новой российской элиты, класса бюрократ-буржуазии (а также и экономически и финансово зависящей от нее псевдоинтеллигенции, например, преподавателей «престижных» вузов). Конечно, эти люди понимают, что такая политика губительна для будущего страны и направлена против интересов подавляющего большинства населения России, но наивно рассчитывать, что это понимание заставит их отказаться от своих *классовых* и *сословных* интересов. И я готов в данном случае согласиться с логикой В. Л. Иноземцева, написавшего, что пострадавшие от радикальных социально-экономических потрясений последних лет должны винить в своих бедах в первую очередь самих себя⁵⁰. Действительно, если бы сегодняшние безработные 10 лет назад не скандировали истерично «Ельцин! Ельцин!» и не смотрели восторженно в рот Гавриилу Попову, Анатолию Собчаку и прочим представителям *номенклатуры*, а вместо этого с помощью оружия отобрали у этой номенклатуры власть, они сегодня не были бы безработными, а их дети — голодными и неграмотными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. «Век», 1999, № 8.

² См. «Правда», 23 мая 1995 года.

³ «Латинский квартал», 1996, № 1.

⁴ *Цит. по:* «Латинский квартал», 1997, № 15.

⁵ «Учительская газета», 1997, № 31.

⁶ «Коммуна» (Воронеж), 23 марта 1998 года.

⁷ См. **А. Г. Асмолов**. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.—Воронеж, 1996, стр. 717—719.

⁸ «Учительская газета», 1997, № 37.

⁹ «Megapolis-Континент», 1998, № 42.

¹⁰ См. «Сибирский курьер» (Новосибирск), 1997, № 190; «Новая Сибирь», 6 октября 1997 года; «Новая Сибирская газета», 1997, № 32; «Молодежь Сибири» (Новосибирск), 14 октября 1997 года.

МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ КЛАССОВОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

67

¹¹ «Коммуна» (Воронеж), 23 октября 1997 года; «Воронежский курьер», 22 октября 1997 года.

¹² ИТАР-ТАСС, 22 октября 1997 года, 14:36.

¹³ «Акционер» (Челябинск), 1998, № 20; «Челябинский рабочий», 22 мая 1998 года.

¹⁴ ИТАР-ТАСС, 22 мая 1998 года, 15:05.

¹⁵ «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 27 мая 1998 года.

¹⁶ «Московский комсомолец», 31 января 1996 года.

¹⁷ Здесь и далее в статье мне не раз придется ссылаться на источники информации, пожалевшие остаться неназванными (или согласившиеся лишь на указание своих инициалов). Увы, оказалось, что 10 лет спустя после провозглашения «эпохи гласности» значительная часть необходимой для ювенологических исследований информации недоступна — неофициально или даже официально (как, например, информация о росте венерических заболеваний в Москве) засекречена, имеющие к ней доступ специалисты *запуганы* (кто же хочет лишиться места сейчас — во времена растущей безработицы?). Таким образом, приходится возвращаться к методам сбора информации, опробованным во времена Л. И. Брежнева.

¹⁸ В сентябре 1999 года, по данным ЦК профсоюза учителей, свыше 300 школ в 8 регионах России не начали из-за забастовок работу, бастовало 14 тысяч учителей. Ни в одной газете, однако, об этом написано не было!

¹⁹ «Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года». М., 1996, стр. 18.

²⁰ «Учительская газета», 1999, № 32.

²¹ Там же.

²² А. Илларионов, выступая недавно по ТВ, объяснил: при Примакове реальные расходы на армию были урезаны на 50 процентов. А. Илларионов рекламировал это как «выдающееся достижение» политики неолиберализма, которую-де Примаков проводил «подпольно» — и с помощью которой добился замечательных успехов в стране. Разваливающаяся на полпути техника нашей армии (как это было в Дагестане) заставила меня усомниться в правильности выводов А. Илларионова.

²³ «Учительская газета», 1999, № 31.

²⁴ «Алфавит», 1998, № 1.

²⁵ «Московский комсомолец», 31 января 1996 года.

²⁶ «Школьное обозрение», 1999, № 4, стр. 2.

²⁷ «Учительская газета», 1999, № 32.

²⁸ «Учительская газета», 1997, № 37.

²⁹ «Солидарность», 1992, № 28.

³⁰ «Вёрсты», 9—11 августа 1999 года.

³¹ «Вёрсты», 23—25 августа 1999 года.

³² Там же. Впрочем, по ТВ-6 сообщалось недавно, что в США пользуются Интернетом 24 процента населения, а В. Л. Иноземцев, со ссылкой на Д. Мошеллу, пишет, что электронной почтой в США пользовались в середине 90-х 64 процента жителей («Свободная мысль-XXI», 1999, № 7, стр. 23). Надо учитывать, правда, что доступ в Интернет и использованием e-mail'ом — далеко не одно и то же. Помимо прочего, e-mail в США предоставляется в почтовых офисах — как разовая услуга, подобно посылке телеграммы или факса.

³³ См. «Свободная мысль», 1999, № 3, стр. 38—40.

³⁴ «Алфавит», 1998, № 4.

³⁵ Кстати, не могу не подивиться особенностям политологической мысли в МГЛУ. А. Глинчикова пишет: «Страна с низким доходом на душу населения не может быть ни рыночной, ни демократической» («Свободная мысль», 1999, № 3, стр. 40). Это что-то новое в общественных науках. До сих пор считалось, что принадлежность к той или иной экономической системе зависит вовсе не от доходов на душу населения, а от совсем иных причин (уровня развития производительных сил, например), равно как и форма управления (демократия) вовсе не является производной от этого уровня доходов. По логике А. Глинчиковой получается, что, например, Пакистан, или Кот-д'Ивуар, или Гондурас — страны с нерыночной экономикой (если не секрет, с какой же?), а Греция до «черных полковников» имела высокий уровень доходов на душу населения, при «черных полковниках» — сразу низкий, а как только «полковники» пали — опять высокий. Статистика этого почему-то не подтверждает. Как нет никаких доказательств, что Греция при «черных полковниках» или Чили при Пиночете переставали быть странами с рыночной экономикой. Кроме того, делается просто «противоестественным» и сам факт установления военной диктатуры в Греции: для установления диктатуры в стране, по А. Глинчиковой, должен катастрофически упасть уровень доходов на душу населения, а это, в свою очередь, «невозможно» в условиях демократии и рынка.

³⁶ «Правда», 17—18 августа 1999 года.

³⁷ «Учительская газета», 1999, № 31.

³⁸ «Российская газета», 21 августа 1999 года.

³⁹ В государственных вузах администрация регулярно пытается ввести аналогичные поборы, но там студенты, как правило, сопротивляются. См., например: «Латинский квартал», 1998, № 2.

⁴⁰ «Учительская газета», 1999, № 31.

⁴¹ «Златоустовский рабочий», 29 июля 1999 года.

⁴² Уже после написания этих строк я сам стал в некотором роде «жертвой» этого явления: из школы, в которой учится мой сын, 20 преподавателей старших классов — так называемого лица — были переманены в платную школу для детей «новых русских»: учителям сказали просто: «Ваш нынешний заработок плюс 2 тысячи в месяц». Такой вот подарок получили дети 1 сентября в школе, где учится мой сын! Я, впрочем, полагаю, что это полезно: именно так и формируются здоровые классовые инстинкты, и наши дети учатся не верить лживой официальной пропаганде. Остается только научить их бороться с этим режимом за свои права.

⁴³ См. «Российский обозреватель», 1996, № 4, стр. 37—38.

⁴⁴ Не обязательно для примера забираться так далеко — в башкирскую деревню. Рядом с Москвой, в г. Электросталь, в 1999 году в школы пришли работать лишь 15 новых учителей (в прежние годы приходило 50—55). Зарботок начинающего учителя — 180 рублей, а зарботки учителей со стажем, двумя ставками и всеми мыслимыми «накрутками» — 550—600 рублей (в нарушение закона, в соответствии с которым этот зарботок не может быть ниже среднего зарботка в промышленности — в Московской области это 1200 рублей в месяц). — См. «Электростальские новости», 1999, № 35.

⁴⁵ «Вёрсты», 9—11 августа 1999 года.

⁴⁶ «Известия», 24 марта 1999 года.

⁴⁷ «Советская Россия», 22 апреля 1999 года.

⁴⁸ См. там же.

⁴⁹ «Метро», 1 сентября 1999 года.